

DOI 10.25991/AE.2019.47.95.003
УДК 161

О. Ю. Гончарко

Оксана Юрьевна Гончарко — кандидат философских наук, научный сотрудник Русской христианской гуманитарной академии, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского горного университета
goncharko_oksana@mail.ru

ЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В ХРИСТОЛОГИЧЕСКИХ СПОРАХ В ПЕРИОД ВТОРОГО ИКОНОБОРЧЕСТВА*

В данной работе предлагается рассмотреть становление неклассической логики в период христологических споров Второго иконоборчества в Византии, а также проследить рецепцию логических византийских аргументов pro et contra иконопочитания в русской традиции иконоборческих споров.

Ключевые слова: история логики в Византии, тождество и различие, Феодор Студит, патриарх Никифор, христологические споры, иконоборчество

O. Yu. Goncharko

LOGICAL TOOLS AND TECHNICS WITHIN THE SECOND ICONOCLASTIC CONTROVERSY

This paper proposes to consider the formation of non-classical logic during the Christological disputes of the Second Iconoclasm in Byzantium, as well as to follow the reception of the logical Byzantine arguments pro et contra icon-worship in the Russian tradition of iconoclastic disputes.

Keywords: the history of logic in Byzantium, identity and difference, Theodore the Studite, Nikephoros of Constantinople, christological controversy, iconoclasm

Среди логических аргументов в пользу иконопочитания, которые были предложены в византийском богословии в период христологических споров Второго иконоборчества, особенно существенными можно считать следующие: аргумент от различия тождеств (тождества природы и тождества ипостаси), аргумент от связи истины и подобия, аргумент от боговоплощения, аргумент от описуемости/неописуемости божественного, аргумент от отношения подобия, аргумент от ипостасного единства и некоторые другие. В качестве интересной исследовательской задачи можно было бы проследить, каким образом в рамках рецепции иконоборческой полемики на Руси происходила не только рецепция богословских и художественных идей, развитых в рамках византийской теории иконы и византийской концепции иконопочитания, но и логико-философских и логико-богословских аргументов? В данной статье предлагается небольшой обзор византийских аргументов в пользу иконопочитания в контексте их рецепции на Руси в XV–XVI вв.

Одной из основных идей концепции иконопочитания является идея соотношения понятий истины и подобия: «истина в подобии» (τὸ ἀληθὲς ἐν τῷ ὁμοίωματι) (*Epistola ad Platonem*, PG 99, 500B), «всякое искусственное изображение является подобием» (πᾶσα τοῖνυν τεχνητὴ εἰκὼν ὁμοίωσις ἐστίν), первообраз некоторым способом содержится в образе (τὸ ἀρχέτυπον ἐν τῇ εἰκόνι) (*Epistola ad Platonem*, PG 99, 501A), поклоняющийся иконе поклоняется тому, кто истинно изображен на ней (ὥστε ὁ

προσκυνῶν τὴν εἰκόνα, προσεκύνησε τὸν ὄντιον ἐμφαίνει ἢ εἰκὼν ἀσφαλῶς) (*Epistola ad Platonem*, PG 99, 501A). Феодор Студит почти все свои трактаты посвящает разъяснению того, каким образом такое отношение работает. Аргументы в пользу иконопочитания, обоснованные с помощью понятия сходства между образом и подобием можно найти в следующих византийских источниках, переведенных на славянский язык: «Сказание о чудесах иконы Богоматери Римляныни», «Многосложный Свиток», «Пространное житие Константина-Кирилла» [8].

Вводя понятие «отношения подобия» (ταὐτὸν τῇ ὁμοίωσει), Феодор Студит утверждает, что «в отношении подобия изображение с первообразом тождественно» (ταὐτὸν γὰρ ἢ εἰκὼν τῷ ἀρχετύπῳ τῇ ὁμοίωσει) (*Epistola ad Platonem*, PG 99, 501A), образ и изображение — одно и то же в отношении сходства (τύπος γὰρ καὶ εἰκὼν ταὐτὸν εἰς ἐμφερείαν) (*Adversus Iconomachos*, PG 99, 493D). Аргумент «посредством сходства» (ἐμφερεία) выглядит следующим образом: «Только то искусством созданное изображение Христа и существует и называется [так], которое носит свойства телесного вида или образа и [имеет] все прочие наружные признаки» (ἢ δὲ τοῦ ἐνσωμάτου εἶδους ἤτοι μορφῆς φέρουσα τὰ ἰδιώματα, καὶ ὅσα ἄλλα τῶν ἔξω γνώριμα, μόνη τεχνητὴ εἰκὼν Χριστοῦ καὶ ἔστι καὶ λέγεται) (*Adversus Iconomachos*, PG 99, 496B). Данный аргумент основан на аксиоме предпочтения миметическим образом перед символическими изображениями и встречается в таких славянских источниках византийского происхождения, как «Си-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–78–10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

нодик в Неделю Православия», «Кормчая Книга», «Евангелие Учительное» [8].

Аргумент о транзитивности иконопочитания (честь воздается не материи, а первообразу) встречается довольно часто в славянских текстах и его можно встретить практически повсюду, где затрагиваются вопросы иконопочитания: «Кормчая книга», «Евангелие Учительное», «Сказание о чудесах иконы Богоматери Римляныни», «Многосложный Свиток», «Слово сказующе о святых и честных иконах к царю Константину Ковалиу», «Слово о кресте и святых пречистых иконах и на еретики», перевод главы «Небеса» Иоанна Дамаскина на славянский язык, «Похваление словес вкратце всехвальному апостолу и евангелисту Луке», «Беседования солуньского архиерея Григория, еже сътвори с хионы и турки», «Стязание бывшее вкратце в Иерусалиме», «Послание иконописцу» Иосифа Волоцкого. Во всех этих источниках встречается также и параллельный ему аргумент о транзитивности бесчестия иконы [8].

Суть аргумента о транзитивности иконопочитания заключается в том, что «честь изображения переходит к первообразу» (διότι ἡ τῆς εἰκόνοσ τμηῆ ἐπὶ τὸ πρῶτότυπον διαβαίνει) (*Epistola ad Platonem*, PG 99, 501A). Студит различает природный образ и миметический: «но одно — природный образ, и другое — [образ, получаемый] чрез воспроизведение» (ἄλλο δὲ φυσικὴ εἰκὼν καὶ ἄλλο μιμητικὴ) (*Epistola ad Platonem*, PG 99, 501B). На основе этого Студит разделяет и сами типы различия, которые он полагает в основу различия двух типов тождества: «ипостасное различие» или «различие ипостаси» (ἡ μὲν οὐ φυσικὴν διαφορὰν ἔχουσα ... ἀλλ' ὑποστατικὴν, ὡς ὁ Υἱὸς πρὸς τὸν Πατέρα) (*Epistola ad Platonem*, PG 99, 501B) — этим типом различия Отец отличается от Сына; и «природное различие, но не ипостасное, — как образ Христа по отношению к [Самому] Христу» (ἡ δὲ τὸ ἀνάπαλι, φυσικὴν διαφορὰν ἔχουσα, ἀλλ' οὐχ ὑποστατικὴν, ὡς ἡ εἰκὼν τοῦ Χριστοῦ πρὸς τὸν Χριστόν) (*Epistola ad Platonem*, PG 99, 501B), ибо «одна природа вещества изображения, и другая [природа] Христа; лицо же не иное, но одно и то же (Лицо) Христа, хотя бы и было начертано на иконе» (ἄλλη μὲν γὰρ φύσις ὑλογραφίας καὶ ἕτεραι τοῦ Χριστοῦ, οὐκ ἄλλη δὲ ὑπόστασις, ἀλλὰ μία καὶ ἡ αὐτὴ τοῦ Χριστοῦ καὶ τῆ εἰκόνι γεγραμμένη) (*Epistola ad Platonem*, PG 99, 501B).

Феодор Студит для обоснования отождествления иконы и прототипа вводит два типа тождества: тождество природы (ταὐτὸν τῆς φύσεωσ) и тождество ипостаси (ταὐτὸν τῆς ὑποστάσεωσ) (*Epistola ad Platonem*, PG 99, 501C). Это позволяет ему далее отождествлять в поклонении Христа и его иконе: «во Христе и в изображении Христа [ведь здесь одно Лицо Христа], бывает одно и поклонение — соответственно, очевидно, тождественности единого Лица, хотя природы Христа и изображения различны» (ἦγγουν τῆσ εἰκόνοσ Χριστοῦ καὶ τοῦ Χριστοῦ, ἡνίκα μία ὑπόστασις Χριστοῦ, μία καὶ ἐνταῦθα προσκύνησις ἐστί,

κατὰ τὸ ταῦτὸν δῆλον ὅτι τῆσ μιᾶσ ὑποστάσεωσ, οὐ τὸ ἕτεροῖον τῶν φύσεωσ Χριστοῦ καὶ τῆσ εἰκόνοσ) (*Epistola ad Platonem*, PG 99, 501C), «и везде во Христе по природе присутствует образ [Его]. Ибо, где — первообраз, там, очевидно, присутствует и относящийся к нему образ. Ибо они [т. е. первообраз и образ] друг в друге находятся, и друг с другом соединены» (καὶ πανταχοῦ ἡ εἰκὼν ἐν Χριστῷ φυσικῶσ πάρεστί. Ὅπου γὰρ τὸ πρῶτότυπον, ἐκεῖ κατὰ σχέσιν δηλονότι καὶ τὸ παράγωγον. Πρὸс τι γὰρ ταῦτα, καὶ ἀλλήλοισ συνεισφερόμενα) (*Adversus Iconomachos*, PG 99, 492CD). Аргумент от ипостасного единства встречается на Руси в таких источниках, как «Триодь» и «Октоих», «Синодик в Неделю Православия», «Кормчая книга», «Сказание о чудесах иконы Богоматери Римляныни», «Многосложный Свиток», «Слово сказующе о святых и честных иконах к царю Константину Ковалиу» и в «Послании иконописцу» [8].

Иконоборческим следствием разотождествления Христа и иконы является, согласно Студиту, отрицание описуемости Христа: «отрицая, что Христос описуем по плоти, они изобличаются в нечестии подобно тем, которые учат, что Бог обитал на земле с людьми в призраке и воображении» (ἀναιρουῦντες ἐντεῦθεν ὡс τὸ εἶκοσ Χριστόν σαρκὶ περιγράφεσθαι, ἴσα τοῖс ἐν δοκῆσει καὶ φαντασίᾳ ἐπιδεδμηκέναι θεὸν τοῖс ἐν γῆ ἀσεβεῖν ἀπελεγχόμενοι) (*Epistola ad Platonem*, PG 99, 504A). Аргумент от описуемости Христа (в более широком смысле его можно трактовать как аргумент от воплощения) встречается в славянском переводе «Временника Георгия Амартола», а также в уже выше перечисленных произведениях, таких как «Триодь», «Октоих» и «Синодик», «Многосложный свиток», «Слово» [8].

Одним из важнейших логических аргументов в пользу иконопочитания является аргумент от воплощения Христа (т. к. сама идея иконы есть логическое следствие идеи боговоплощения): «Таким образом, очевидно, почитание иконы Христа основывается на учении Святых Отцов. Если почитание иконы уничтожается, вместе с тем уничтожается и домостроительство Христа; и если поклонение не воздается иконе, точно так же уничтожается и поклонение Христу» (Οὕτω τοιγαροῦν, ὡс ἐμὲ γοῦν εἰδέναι, τῆ τῶν ἁγίων πατέρων διδασκαλίᾳ ἐπερειδόμενον, ἡ τῆσ εἰκόνοσ τοῦ Χριστοῦ προσκύνησις: ἡσ ἀναιρουμένησ ἀνήρηται δυνάμει καὶ ἡ Χριστοῦ οἰκονομία, καὶ ἡσ μὴ προσκυνουμένησ ἀνήρηται ὡσαύτωс καὶ ἡ Χριστοῦ προσκύνησις) (*Epistola ad Platonem*, PG 99, 505A). Параллельным ему аргументом является аргумент, полагающий, что отрицание иконы является следствием отрицания идеи воплощения. Такие аргументы встречаются в таких славянских текстах, как «Синаксарь в неделю первую Великого поста», а также почти во всех выше перечисленных источниках вплоть до «Послания иконописцу» Иосифа Волоцкого [8].

В силу того, что сходством Феодор Студит полагает именно визуальный критерий истинности,

то это подразумевает, что решающую роль в его теории истинности играет категория видимости/зримости: «образы первообразов, напечатленные на обработанном искусством веществе, не участвуют в природе [первообразов], но показывают как бы в зеркале только сходство с [теми предметами], по отношению к которым они являются отпечатками» (ἀμέτοχα γὰρ τῆς φύσεως εἶεν ἂν τὰ ἐκμαγεῖα τῶν ἀρχετύπων ἐν τοῖς τεχνητοῖς· μόνην ἐπιδεικνύμενα ὡς ἐν κατόπτρῳ τὴν ἐμφέρειαν τῶν ὧν ἐπὲρ εἰσὶν ἀπομόρμυατα) (*Adversus Iconomachos*, PG 99, 488D-489A). При этом телесное зрение отождествляется с духовным зрением и образует еще один аргумент от тождественности телесного и духовного зрения, который также можно встретить в славянских текстах («Триодь», «Октоих», «Слово сказующе о святых и честных иконах к царю Константину Ковалиу», «Послание к иконописцу» [8]).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что не только богословские и художественные аргументы стали предметом рецепции византийского наследия на Руси, но и практически все логические аргументы. В качестве перспектив дальнейшего исследования византийского фактора в процессе формирования русской логической традиции необходимо учитывать также рецепцию византийской иконопочитательской аргументации на Руси как интересного случая применения аристотелевской логики и ее инструментария к решению богословских вопросов.

Источники

1. Theodorus Studita. Epistola ad Platonem archimandritam de cultu sacrarum imaginum // S.P.N. Theodori Studitae Opera Omnia / acc. J. — P. Migne [=Patrologiae cursus completus, series graeca, t. 99]. Paris, 1903.
2. Theodorus Studita. Adversus Iconomachos capita Septem // S.P.N. Theodori Studitae Opera Omnia / acc. J. — P. Migne [=Patrologiae cursus completus, series graeca, t. 99]. Paris, 1903.
3. Theodorus Studita. Quaestiones Iconomachis propositae // S.P.N. Theodori Studitae Opera Omnia / acc. J. — P. Migne

[=Patrologiae cursus completus, series graeca, t. 99]. Paris, 1903.

Литература

4. Беззубова О. В. Византийская теория образа как предпосылка онтологии видимого // Вестник гражданских инженеров, 6 (41). 2013. С. 265–269.
5. Криза, Агнеш. Исихазм и иконопочитание. Анагогическая функция иконы в богословских трудах Московской Руси и Киевской митрополии в XV–XVI вв. // Православие Украины и Московской Руси в XV–XVII вв.: общее и различное. М., 2012. С. 14–40.
6. Криза, Агнеш. Византийские источники древнерусского богословия иконы — четыре текста Торжества Православия // Studia Slavica Hung. 51/3–4 (2006) 373–386.
7. Криза, Агнеш. Византийские источники богословия иконы в «Послании иконописцу» (Часть первая) Studia Slavica Hung 54/1(2009)161–187.
8. Криза, Агнеш. Древнерусские тексты в защиту икон, Russica Pannonicana, Budapest, 2011.
9. Острогорский Г. А. Гносеологические основы византийского спора о святых иконах / Г. А. Острогорский // Seminarium Kondakoviarum. Прага, № 2. 1928. С. 48–52.
10. Goncharko O. Yu., Goncharko D. N. A Byzantine Logician's 'Image' within the Second Iconoclastic Controversy. Nikephoros of Constantinople // Scrinium, 13. 2017. Pp. 291–308.
11. Erismann Ch. Venerating likeness: Byzantine iconophile thinkers on aristotelian relatives and their simultaneity // British Journal for the History of Philosophy, 24/3. 2016. Pp. 405–425.
12. Kriza, Agnes. Legitimizing the Rublev Trinity: Byzantine iconophile arguments in medieval Russian debates over the representation of the Divine // Byzantinoslavica 74 (2016) 134–152.
13. Kriza, Agnes. Slavonic Translations of Greek Iconophile Texts: the Problem of Reception of Byzantine Theology in Medieval Rus' // FONTES, Studies Presented to Róbert Simon on the Occasion of his 75th Birthday Ed. by Monika Pesthy-Simon Tanulmányok a 75 éves Simon Róbert tiszteletére. P. 134–144.
14. Lourié B. Theodore the Studite and "Hypostasis" as a Paraconsistent Notion // Theodore the Stoudite: Intellectual Context, Logic, and Theological Significance. Texts and Studies in Eastern Christianity, ed. C. Erismann, B. MacDougal, Brill. 2017.
15. Modzain M.-J. Image, icône, économie. Les sources byzantines de l'imaginaire contemporain. Paris, Éditions du Seuil, 1996.